

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. История фразеологии: направления исследований	7
Глава 2. Основные понятия теории фразеологии	43
Глава 3. Классификация фразеологизмов	67
Глава 4. Семантические отношения во фразеологии	99
Глава 5. Внутренняя форма фразеологизмов	130
Глава 6. Фразеография — словарное описание фразеологизмов	151
Глава 7. Стилистические особенности фразеологии	161
Глава 8. Авторская фразеология	188
Глава 9. Сопоставительная фразеология и проблемы перевода	205
Глава 10. Национально-культурная специфика фразеологии	222
Заключение: фразеология как лингвистическая дисциплина и ее перспективы	237
ЛИТЕРАТУРА	239
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	255
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	257
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	261
УКАЗАТЕЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ	265

ВВЕДЕНИЕ

Термин фразеология (греч. *phrásis* — ‘выражение’ и *lógos* — ‘слово, учение’) имеет несколько пониманий. Во-первых, это лингвистическая дисциплина, изучающая устойчивые идиоматические (в широком смысле) словосочетания — фразеологизмы. Во-вторых, совокупность фразеологизмов того или иного языка также называется его фразеологией. В-третьих, под фразеологией понимают особенности функционирования лексики в дискурсе отдельных социальных групп и политических направлений (например, говорят: *революционная фразеология, марксистская фразеология, нацистская фразеология*). В последнем случае слово *фразеология* используется не как термин и поэтому здесь не рассматривается.

Фразеология как учебная дисциплина входит в курс лексикологии изучаемых языков: и русского, и иностранных. В ряде случаев фразеология читается в виде спецкурса. В настоящее время имеется несколько учебников по фразеологии русского, немецкого, английского, французского и некоторых других языков. По большей части эти учебники были созданы в 60—80-х годах XX в. Российских учебников, которые отражали бы современный уровень знаний, достигнутых в лингвистической теории, на настоящий момент нет. Ситуация усугубляется еще и тем, что отечественная фразеология переживает не самый лучший период своего развития, хотя как самостоятельная лингвистическая дисциплина она зародилась именно в России в середине XX в.

Отметим также, что ориентация существующих учебников и пособий по фразеологии на конкретный язык ограничивает возможность рассмотрения общетеоретических проблем, возникающих при исследовании разных языков. Ощущается необходимость краткого введения во фразеологическую науку, предполагающего рассмотрение фразеологии в контексте современной лингвистической теории — и прежде всего в контексте новейших семантических концепций. Широкий взгляд на теоретические и прикладные проблемы современного языкознания необходим для понимания места фразеологии в системе языка.

Цель этой книги — познакомить студентов с предметом фразеологии как науки, а также с основными методами исследования фразеологических единиц. Этого можно достичь, представив в ясном виде основы научного подхода к изучению и описанию фразеологии, а также проиллюстрировав теоретические положения примерами из русского и других языков.

Данный курс является общетеоретическим — это **курс общей фразеологии**. Основное внимание обращается на представление и объяснение категориального аппарата фразеологии, таких важнейших понятий, как семантическая переинтерпретация и непрозрачность (составляющих категории идиоматичности), устойчивость, внутренняя форма и актуальное значение. К основам фразеологической теории относится и типология (классификация) фразеологизмов, представление об образной составляющей в семантике фразеологизмов и характере ее влияния на актуальное значение.

Широко распространенные семантические отношения — синонимия, антонимия, многозначность и др. — реализуются во фразеологической системе специфическим образом, не так, как в обычной лексике. Их описанию посвящена отдельная глава данной книги. Рассматривается также и стилистика фразеологии, в частности возможности стилистической дифференциации идиом с использованием системы стилистических помет — собственно стилевых, дискурсивных, временных и пр.

В современной фразеологии особое внимание уделяется культурной специфике фразеологических единиц разных языков, а также функционированию идиом в конкретных употреблениях — прежде всего в художественном тексте. Этим тенденциям посвящены отдельные главы книги. Не обойдена вниманием и проблема межъязыковой эквивалентности фразеологизмов, а также способов их перевода на другие языки. Кроме того, обсуждаются особенности словарного описания фразеологии.

Кратко очерчена история изучения отдельных аспектов фразеологии — синтаксического поведения идиом, их вариативности, происхождения, психолингвистических факторов функционирования идиоматики и др.

Каждая глава заканчивается небольшим списком рекомендованных книг и статей с кратким указанием обсуждаемых тем, что должно помочь ориентации читателя. Кроме того, предлагается на-

бор упражнений, помогающих выработать практические навыки анализа фразеологического материала.

Последовательность глав учебника задается внутренней логикой изложения, однако при чтении данного курса могут быть выбраны различные методики подачи материала. Большая часть глав относительно автономна, что позволяет варьировать порядок обсуждения тем.

Данная работа выполнена в рамках исследований, проводившихся по грантам РГНФ № 12-34-10413, № 12-04-12054 и программы стратегического развития РГГУ.

Авторы выражают искреннюю признательность Н. Шибасовой за эффективную помощь в подготовке рукописи.

ИСТОРИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ: НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Фразеология представляет собой лингвистическую дисциплину, основы которой в существенной степени были заложены в отечественной филологической традиции. М.В. Ломоносов, разрабатывая концепцию словаря русского литературного языка, указывал на то, что в нем должны найти отражение «российские пословия», «фразесы» и «идиоматизмы». Идеи о необходимости изучения «слитных речений» в разное время высказывали также И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.А. Потебня, И.И. Срезневский и Ф.Ф. Фортунатов. На известную идиоматичность определенных словосочетаний русского языка указывал А.А. Шахматов в рамках своей синтаксической теории. Ряд теоретических соображений в пользу выделения фразеологии в отдельную область лингвистических исследований обнаруживается в трудах Е.Д. Поливанова, который отмечал, что фразеология занимает «по отношению к лексике то же положение, какое синтаксис занимает по отношению к морфологии» [Поливанов 1968: 207].

Первая научная классификация русских фразеологизмов, предложенная В.В. Виноградовым, основывалась, однако, не столько на отечественной традиции, сколько на идеях Ш. Балли. Этот период принято считать началом формирования фразеологии как автономной лингвистической дисциплины. Вслед за работами В.В. Виноградова 40–50-х годов XX в. началось широкое исследование фразеологического материала различных языков народов СССР, а затем и языков Европы — в первую очередь германских, романских и славянских.

В 80-х годах XX в. центр исследований по фразеологии стал постепенно перемещаться из России (точнее, из СССР) в Западную Европу. Об этом свидетельствует проведение регулярных международных конференций «Еврофраз», а также вышедшая в 2007 г. фундаментальная энциклопедия «Фразеология» [HSK Phr] и публикуемый издательством Mouton de Gruyter ежегодник «Yearbook

of Phraseology». Интересно, что англосаксонская лингвистика традиционно не уделяла и до сих пор не уделяет должного внимания фразеологии¹. В США фразеология до сих пор остается достаточно экзотической дисциплиной. Можно предположить, что это связано с сильным влиянием бихевиоризма и генеративизма.

Если проанализировать развитие фразеологии с начала ее возникновения в середине XX в. и до сегодняшнего времени, то выделяются следующие основные сферы исследовательских интересов:

- классификация фразеологических единиц;
- варьирование фразеологических единиц;
- описание семантики фразеологизмов;
- структурно-синтаксические особенности фразеологизмов;
- происхождение фразеологизмов;
- психолингвистические аспекты функционирования идиом;
- словарное описание фразеологии;
- сопоставительная фразеология;
- фразеология как феномен культуры.

1. Классификация фразеологических единиц

В основе концепции В.В. Виноградова лежала классификация фразеологизмов, предусматривавшая выделение трех типов единиц: фразеологических сращений, фразеологических единств и фразеологических сочетаний [Виноградов 1946; 1977]². Концепция В.В. Виноградова на долгие годы определила развитие советской фразеологии в русистике. Отчасти она была заимствована и за рубежом.

Альтернативная классификация была предложена И.Е. Аничковым. Она была основана преимущественно на структурных параметрах (а не на мотивационных, как у В.В. Виноградова). В его

¹ Ср., однако, [Makkai 1972; Cowie 1998; Moon 1998; Wray 2002]. Несколько больше внимания в американской традиции уделялось паремииологии, ср. регулярно издаваемый в Вермонте В. Мидером альманах «Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship».

² Подробнее о классификации В.В. Виноградова и ее последующем развитии см. главу 3.

структурной классификации выделялось три типа словосочетаний: 1) словосочетания, состоящие из одного полнозначного и одного неполнозначного слова (*to look at, to laugh at, an attempt at, at home, at liberty*); 2) сочетание двух полнозначных слов (*a bad headache, a sheet of paper, to want badly*); 3) словосочетание трех и более полнозначных слов, имеющих структуру предложения, а также сочетание нескольких предложений [Аничков 1997а: 105]. Очевидно, что в последний класс предложенной классификации попадают целые фрагменты текста. Тем самым фразеология в понимании И.Е. Аничкова выходит за пределы лексикона и приобретает совершенно иные границы, становясь рядоположенной лингвистике текста. По неструктурным критериям, т.е. по другому основанию, классификация предполагала выделение двух других классов фразеологизмов: 1) коллокации (фразеологические сочетания в понимании В.В. Виноградова) и 2) идиомы, пословицы и речевые формулы в современном понимании. Отметим, что эта классификация во многом предвосхитила важнейшее разграничение фразеологических единиц на идиомы и коллокации.

В научной литературе 60—70-х годов XX в. тема классификации во фразеологии была необычайно популярна. Предлагались разнообразные типологии, часто ориентированные на материал других языков (см., в частности, исследования Н.М. Амосовой, А.В. Кунина, И.И. Чернышевой и др.).

Иной подход, существенно более широкий по охвату фразеологических феноменов, представлен в работах В.Л. Архангельского [Архангельский 1964]. В рамках этой концепции к фразеологии относятся все устойчивые словосочетания (в терминологии В.Л. Архангельского «фраземы» и «устойчивые фразы»). Фраземы имеют структуру словосочетания, а устойчивые фразы — структуру предложения. В.Л. Архангельский предлагает различные классификации фразеологизмов по различным основаниям, в том числе по синтаксической функции [Архангельский 1964: 185 и далее]. В основе базовой таксономии В.Л. Архангельского лежат идеи Л. Ельмслева о типах отношений между языковыми единицами: интердепенденция (взаимозависимость), детерминация (односторонняя зависимость) и констелляция (свободная связь). В результате выделяются фразеологизмы различных типов. В частности, фразеологизмы, основанные на интердепенденции (*шуры-муры, денно и ночью*);

фразеологизмы, основанные на детерминации (*бить баклуши, исчадие ада, попасть впросак*) и некоторые другие [Архангельский 1964: 180–191].

Выделенные группы далее разделяются на множество различных подгрупп. Цель такого деления фразеологизмов на группы чисто классификационная. Выделяемые группы с интуитивной точки зрения не всегда гомогенны, т.е. непонятно, какие лингвистические феномены лежат в основе той или иной выделяемой группы. Так, объединение в одной из групп весьма разнородных идиом (*скалить зубы* ‘смеяться’, *понурить голову* ‘опечалиться’) и коллокаций (*топорная работа, трескучий мороз, зло берет*) семантически плохо мотивировано. Впрочем, в рамках структурного подхода 60–70-х годов такой способ описания выглядит вполне органично.

Существенной особенностью концепции В.Л. Архангельского является выделение группы грамматических фразеологизмов — «семантически опустошенных ФЕ»: *то есть, как будто, по мере того как, не взирая на, не то чтобы не... а, едва ли не, вовсе не* и др. [Архангельский 1964: 67].

Классификация фразеологизмов, основанная преимущественно на семантических параметрах, была предложена в ряде работ М.М. Копыленко и З.Д. Поповой. Исходя из вполне разумного предположения о том, что между абсолютно свободными словосочетаниями и жестко фиксированными и непрозрачными словосочетаниями существует множество переходных случаев, авторы строят подробную классификацию. Излишняя дробность классификации и произвольность ее параметров приводят к тому, что многие классы вызывают впечатление искусственного и немотивированного построения. В основе деления словосочетаний на группы лежат особенности семантики слов, входящих в соответствующее выражение. Основные типы значений полнозначных слов (служебные исключались) — это «денотативные» (Д) и «коннотативные» (К). Под первыми, по-видимому, понимаются прямые значения и значения, полученные в результате тропеических преобразований, а ко вторым относятся случаи типа *куриный* в сочетании *куриная намять* или *лавочка* в сочетании *по пьяной лавочке*. Вероятно, коннотативные значения интерпретируются как уникальные для данного слова в конкретном фиксированном словосочетании. Внутри денотативных значений выделяются два подкласса, а внутри коннота-

тивных — три. Все словосочетания, состоящие из двух (максимум трех) слов классифицируются в соответствии с принадлежностью их составляющих к Д- или К-типу. Например, *дети учатся* — это словосочетание Д1Д1, т.е. оба компонента употреблены в своих прямых значениях. С другой стороны, выражение *шерочка с машерочкой* попадает в группу КЗКЗ, поскольку состоит из двух уникальных компонентов.

Странным образом авторы, с одной стороны, относят к фразеологии и словосочетания типа Д1Д1, т.е. свободные словосочетания без каких бы то ни было признаков идиоматичности или устойчивости, а с другой стороны — исключают из сферы фразеологии любые словосочетания, состоящие из более чем трех однозначных слов. Не считаются фразеологизмами также пословицы, поговорки, речевые формулы, имеющие структуру предложения.

Как и во многих предшествующих случаях, выделенные группы фразеологизмов не отвечают интуиции. Возникает впечатление, что классификации делаются ради самих классификаций.

Д.Н. Шмелев, разбирая в своем учебнике по лексике русского языка имеющиеся классификации фразеологизмов, формулирует свой собственный подход к фразеологии. Основное свойство фразеологизмов, отличающее их от свободных словосочетаний, он видит в их связанности. Так, связанность может быть парадигматической, в том смысле, что фразеологизм заполняет определенную клетку в той или иной таксономии и с этой точки зрения оказывается целостной номинативной единицей языка (ср. *белый гриб* в противопоставлении другим названиям грибов — как однословным, так и неоднословным, *львиный зев* в ряду прочих названий цветов, *двоюродный брат* в системе терминов родства). Синтагматическая связанность — это аналог детерминации, по В.Л. Архангельскому: «один из компонентов словосочетания невозможен вне определенного лексического окружения» [Шмелев 1977: 313]. Этот тип связанности реализуется в таких выражениях, как *вменить в вину / в заслугу / в обязанность*, *смежить глаза / очи / веки*, *слёзно просить / молить / умолять*, *закадычный друг*. Третий тип — это деривационная связанность. Она характеризует значения слов в словосочетании, возникшие в результате различных семантических преобразований, в том числе тропеических. Сюда относятся, например, выражения *снег идет*, *глубокая осень / ночь / старость*.

Классификация фразеологизмов возникает как производное от классификации типов связанности. Поскольку в одной и той же форме могут быть представлены различные типы связанности, то итоговых классов оказывается семь [Шмелев 1977: 319].

По представленным примерам заметно, что многие проводимые разграничения неочевидны. Так, например, не вполне ясно, чем отличаются попавшие в разные классы выражения *смотреть сквозь пальцы* и *замолвить словечко*. С современной точки зрения и то и другое идиома, хотя в выражении *замолвить словечко* присутствует уникальный компонент, а в выражении *смотреть сквозь пальцы* — нет. С другой стороны, непонятно, почему в один класс попадают выражения *плыть по течению* и *железная дорога*. Как кажется, важнее разграничить, условно говоря, *львиный зев* и *белый гриб*. Дело в том, что *львиный зев* представляет собой результат полной переинтерпретации выражения, а *белый гриб* — нет (переосмыслен только компонент *белый*). Интуитивно это хорошо ощущается носителями языка. Неудивительно, что и эта классификация не получила практического распространения. Отметим, что Д.Н. Шмелев ввел термин «фразеосхема», который относился автором к продуктивным синтаксическим конструкциям русского языка. Выделение класса фразеосхем оказалось очень важным для современной теории фразеологии (см. подробнее главу 3).

В советской и российской лингвистике предлагались как модифицированные варианты классификации В.В. Виноградова, так и оригинальные концепции, которые, как правило, разграничивали типы фразеологизмов по чисто структурным критериям, не имеющим интуитивно ясного обоснования, и тем самым не в полной мере отвечали на вопрос о специфике фразеологизмов как особого слоя лексики естественного языка.

Оригинальные теоретические концепции возникали у отечественных исследователей, работавших с материалом германских и романских языков. Так, И.И. Чернышева выработала подход, который лег в основу научного описания немецкой фразеологии в российском и зарубежном языкознании [Чернышева 1970; Černyševa 1980]. Базовые параметры ее классификации — это наличие семантической переинтерпретации, серийность-уникальность сочетаемости и образование форм по фиксированной схеме. Применение указанных параметров позволило сформировать четыре класса

фразеологизмов (в терминологии автора — «устойчивых словесных комплексов»):

1) собственно фразеологизмы, которые далее делятся на несколько групп;

2) фразеологизованные словосочетания (серийные образования типа рус. *зло / тоска / досада берет*, нем. *blinde Tasche / Tür, blindes Fenster* — букв. «слепой карман, слепая дверь, слепое окно», где *blind* реализует значение ‘фальшивый, непрорезанный до конца’);

3) образования по модели; например, нем. *X hin X her*, что соответствует русской уступительной конструкции *X X-ом (праздник праздником, а завтра все-таки на работу идти)*;

4) лексикализованные неоднословные наименования (типа *Ближний Восток*).

Советская фразеология в 1950—1970-е годы явно опережала развитие этой дисциплины за рубежом. Многие идеи, высказанные в это время советскими лингвистами, были заимствованы и развиты в англо- и прежде всего в немецкоязычных странах. Хороший пример такого рода представляет собой развитие немецкой фразеологии (в первую очередь в Германии и Швейцарии), опиравшейся на опыт советских исследователей³. Для немецкой традиции было характерно признание множественности оснований классификации, тем самым выбор классификации определяется задачами, стоящими перед исследователем. Например, в авторитетной монографии В. Фляйшера излагаются различные классификации фразеологизмов, в том числе по морфосинтаксическим параметрам (субстантивные, адъективные, адвербиальные и глагольные фразеологизмы), по коммуникативным параметрам (номинативные и коммуникативные фразеологизмы⁴) и пр. Во многом эта работа и другие немецкоязычные исследования фразеологии опирались на идеи И.И. Чернышевой.

Широкая классификация устойчивых словосочетаний, явно выходящая за рамки традиционного понимания фразеологии, представлена в известном учебнике Х. Бургера. Он выделяет три основных класса фразеологизмов. Первый класс — «референци-

³ Ср. [Burger 1973; Häusermann 1977; Jaksche et al. 1981; Fleischer 1997 (первое издание 1982); Burger et al. 1982].

⁴ Ср. понятие речевой формулы в главе 3.

альные фразеологизмы» (любые фразеологизмы, которым может быть сопоставлен хоть какой-то референт, в том числе и ситуация, ср. *schwarzes Brett, jmdn. übers Ohr hauen, Morgenstund hat Gold im Mund*). Второй класс — «структурные фразеологизмы», соответствующие грамматическим фразеологизмам в нашей терминологии, — *in Bezug auf, sowohl... als auch...* (см. подробнее главу 3). Третий класс — «коммуникативные фразеологизмы», или «клишированные формулы» (*Routineformeln*), включающие речевые формулы в нашем понимании (*guten Morgen*), а также широкий спектр непереосмысленных словосочетаний, выполняющих метатекстовые функции (*ich meine*). Далее каждый из этих классов подразделяется на более частные группы. Так, «референциальные фразеологизмы» подразделяются на «номинативные» и «пропозициональные». К первым относятся идиомы, «частичные идиомы» (*Teilidiome*, т.е. идиомы с компонентами в прямом значении; например, *бежать сломя голову*, где глагол *бежать* использован в своем прямом значении) и коллокации, ко вторым — пословицы, поговорки, идиомы предикативной структуры (типа *денег куры не клюют у кого-л.*; ср. нем. *jmds. Thron wackelt*) и «общие места» (*man lebt ja nur einmal*) [Burger 1998: 36–40].

Оригинальная концепция фразеологии предложена И.А. Мельчуком в рамках модели «Смысл — Текст». По формальным критериям в этой теории выделяются внутрисловные фраземы (= морфологические фраземы, например, глагол *забывать*, значение которого не образовано по регулярным правилам из *за* + *бывать*), которые противопоставлены фраземам-словосочетаниям (фразеологизмам в традиционном понимании) и синтаксическим фраземам (*Ему не до тебя*). Содержательная классификация предусматривает разделение всего множества фразеологизмов на два больших подмножества — семантические и прагматические фраземы. Под последними понимаются выражения типа *Руки вверх!* (см. категорию ситуативных клише в главе 3). Группа семантических фразем подразделяется на три класса: идиомы, коллокации и квазиидиомы, восходящие к классификации В.В. Виноградова (сращения, сочетания и единства).

Главная идея концепции И.А. Мельчука состоит в том, что к классу идиом относятся только такие фразеологизмы, которые не допускают никаких регулярных синтаксических преобразований — пассивизации, образования относительного придаточного

предложения, построения специального вопроса к компонентам фразеологизма и т.п. Типичные примеры идиом в рассматриваемом понимании *to kick the bucket* и его русский аналог *откинуть копыта*. Соответственно, все семантически членимые фразеологизмы, допускающие те или иные трансформации, попадают в класс коллокаций. Например, выражения *заваривать кашу* и *расхлебывать кашу* являются коллокациями, поскольку можно сказать *Кашу, которую ты заварил, придется расхлебывать мне*, а также сформулировать вопрос *Какую кашу ты опять заварил?* Сюда же относятся выражения типа *разбить сердце (кому-л. / чье-л.)*. Ср. возможность пассивизации *Мое сердце было разбито*. Таким образом, в состав коллокаций попадают и фразеологизмы типа *жгучий брюнет*, *принимать меры*, *проливной дождь*, и фразеологизмы *заваривать кашу*, *разбить сердце*. Такое решение противоречит интуиции. Дело в том, что выражения *заваривать кашу* и *разбить сердце* полностью переинтерпретированы, т.е. все слова, которые входят в их состав, употреблены в переносных значениях. В то время как *жгучий брюнет*, *принимать меры*, *проливной дождь* — явные коллокации, поскольку слова *брюнет*, *меры* и *дождь* реализуют в них свои прямые значения. Возможно, в рамках формальной модели «Смысл–Текст» такое решение оказывается разумным и необходимым, однако вне этой концепции оно воспринимается как немотивированное.

Что касается группы квазиидиом, то к ним относятся выражения типа англ. *shopping center* и рус. *торговый центр*. Поскольку значение этих выражений не выводится в точности из значений составляющих их компонентов (ср. ‘группа магазинов разного типа, собранных на отдельном участке и построенных как единое целое, образующих тем самым центр торговой деятельности’ [Иорданская, Мельчук 2007: 242]), то они считаются частью фразеологии. Если следовать этому принципу, то практически все неоднословные номинации и описания ситуаций следует относить к квазиидиомам. Действительно, даже фраза *пить чай* не описывает все компоненты традиционной ситуации чаепития, называя лишь некоторые из них. Например, в русской традиции чаепития часто используются сахар и лимон. На вопрос *Что делали вечером?* естественно ответить *Пили чай*, а вовсе не *Пили чай с сахаром* или *Пили чай с лимоном*.

Выделяется еще один параметр классификации: сторона языкового знака, затрагиваемая фразеологизацией. Соответственно, вы-

деляются фраземы по означаемому (обычные фразеологизмы), по означающему (супплетивные формы выражения грамматических значений) и по синтактике (синтактические фраземы — *by and large* ‘в общем и целом’, *far from* во фразе типа *He far from solved the problem* ‘Он никоим образом не решил эту задачу’ и т.п.). Если учесть все значения параметров классификации, предлагаемых И.А. Мельчуком, то общее количество типов фразеологизмов теоретически будет равно 54 [Иорданская, Мельчук 2007: 302]. Отметим, что именно в классификации фразеологических единиц И.А. Мельчук видит основную задачу теории фразеологии [Иорданская, Мельчук 2007: 315]).

Распространение фразеологии на все уровни языковой системы и на все типы нерегулярности (что приводит к столь дробной классификации рассматриваемых феноменов) объясняется тем, что идиоматичность подменяется в этой концепции категорией фразеологизации. Понятно, что идиоматичность действительно охватывает все уровни языка и все области нерегулярного (см. подробнее главу 2). А фразеология в общепринятом понимании — это часть лексикона. Неясно, каковы теоретические основания отождествления фразеологии и идиоматичности.

В целом очевидно, что создатели модели «Смысл—Текст», расширяя саму область фразеологии, стараются при этом минимизировать сферу нерегулярного в ней, приписав фразеологически связанным значениям слов толкования в словаре и сделав язык как бы более регулярным. Так, согласно И.А. Мельчуку, во фразеологизме *to pull strings* ‘использовать личные связи для достижения чего-либо’ = букв. «подергать за веревочки» у существительного *strings* (‘веревочки’) выделяется значение ‘личные связи, используемые для достижения чего-либо’, а глагол *to pull* рассматривается как реализация лексической функции Real [Иорданская, Мельчук 2007: 284]. Это позволяет каждый раз порождать соответствующее выражение по уникальным правилам, приписанным глаголу *to pull* и существительному *strings*. Аналогичные решения принимались и в трансформационной порождающей грамматике при семантической интерпретации идиом, порождаемых синтаксическим компонентом [Bar-Hillel 1955].

Концентрация внимания исследователей на проблемах классификации в начальный период развития фразеологии вполне понят-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru